

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Автор: В. И. ПАНТИН, В. В. ЛАПКИН

(Внутренние факторы и ограничения)

В последние годы все более важной и актуальной для российского общества и государства становится проблема политического самоопределения - выбора элитными и массовыми группами стратегических целей, основных ориентиров и параметров внутри- и внешнеполитического развития. Ведь в современном, чрезвычайно динамичном мире общество способно адекватно отвечать на многочисленные вызовы лишь при наличии в нем согласия по поводу такого рода выбора.

В связи с этим российскому обществу, пережившему крах прежних идеологических ориентиров и радикальные преобразования (и всем нам, его гражданам), необходимо ответить на следующие вопросы: кто мы такие и куда мы идем? какое государство мы создаем и в какой стране хотим жить? какое положение в мире мы хотим и можем занимать? Только выработав ответы на эти вопросы, можно более или менее последовательно осуществлять реформы внутри страны и проводить внятную внешнюю политику, добиваясь достойного положения России в мире. Пока что, к сожалению, дело обстоит иначе: и российская политическая элита, и рядовые граждане не готовы дать ответ на вопрос о долговременных целях и национальных интересах. Они руководствуются главным образом ближайшими, текущими, сиюминутными целями и интересами. В результате и общество, и государство не успевают своевременно и эффективно отвечать на многочисленные вызовы и угрозы, возникающие в современном мире. Они постоянно запаздывают с реакцией на происходящие события, а реформы, призванные сделать жизнь большинства россиян лучше, не столько "работают" на страну и ее будущее, сколько обслуживают интересы привилегированного меньшинства.

Один из важных аспектов политического самоопределения - выбор российским обществом того или иного пути национально-государственного развития. Теоретически возможны следующие его варианты (стратегии): 1) формирование современной нации-государства и участие в межгосударственных интеграционных процессах с опорой на

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 05 - 03 - 03105а).

П а н т и н Владимир Игоревич - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Л а п к и н Владимир Валентинович - кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

собственные, отчетливо позиционируемые национальные интересы; 2) создание конфедерации постсоветских государств типа СНГ, что неизбежно сопряжено с известной консервацией переходного "постсоветского" состояния российского общества и его политической системы; 3) реставрация союзного государства, что предполагает ревизию социально-политических результатов постсоветской трансформации и в перспективе ведет к катастрофической радикализации межгосударственных отношений на постсоветском пространстве; 4) ориентация на вступление в Европейский союз, не дожидаясь решения проблем, связанных с незавершенностью формирования современной нации-государства.

Заметим, что для России, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, последний вариант практически неосуществим, поскольку и Европейский союз не хочет видеть Россию в своем составе, и она сама не готова к вступлению в ЕС. Таким образом, в обозримом будущем Россия не сможет стать членом Европейского союза, и это определяет принципиально иной, нежели у стран Восточной Европы, путь ее национально-государственного развития. В то же время российское общество и российская политическая элита до сих пор не определились, какой из оставшихся трех возможных вариантов национально-государственного развития предпочтителен. Пытаясь одновременно развиваться по трем взаимоисключающим направлениям, Россия почти не продвигается *ни по одному* из них.

Разумеется, процессы политического самоопределения России в современном мире протекают отнюдь не произвольно. Их нельзя направить в любое желаемое русло, поскольку они обусловлены множеством внутренних и внешних факторов объективного и субъективного свойства, а реальный выбор возможных путей развития ограничен имеющимися человеческими и материальными ресурсами, а также всем современным глобальным контекстом. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых ключевых внутренних факторах и ограничениях политического самоопределения российского общества¹. Среди них отметим следующие: 1) наличие формальных и неформальных социальных, экономических и политических институтов, включая группы интересов, корпорации, политические партии и государственные институты; 2) влияние традиций, ценностей, стереотипов, присущих данному обществу; 3) основные политические ориентации элитных и массовых групп; 4) имеющиеся у страны ресурсы (в том числе интеллектуальные, природные, демографические, экономические, властные, военные и другие), а также существующая система мобилизации этих ресурсов и тесно связанная с ней система властно-распределительных отношений. Ниже мы последовательно рассмотрим эти группы факторов и их роль в процессах политического самоопределения современного российского общества.

Роль социальных и политических институтов

Среди многочисленных социальных и политических институтов наиболее существенное влияние на процессы политического самоопределения оказывают государство, политические партии и корпорации. Как известно, в России государство всегда играло доминирующую роль в выработке основных целей и ориентиров внутривнутриполитического и внешнеполитического развития; при этом государство нередко подминало под себя общество и мало считалось с целями и интересами многочисленных групп населения. В постсоветской России после пятнадцати лет радикальных реформ и социально-политических преобразований государство по-прежнему сохраняет монополию на выбор наиболее важных целей, ориентиров и параметров политического и социального развития. Специфика и уникальность современной ситуации заключается, однако, в том, что в России оказалась упраздненной не только государственная идеология, но и практика

¹ Внешние, международные факторы представляют предмет особого исследования.

выработки сколько-нибудь внятной и эффективной государственной стратегии экономического, социального и политического развития.

Иными словами, государство существенно ослабило идеологический контроль над обществом, но при этом, руководствуясь по большей части псевдолиберальными лозунгами, в значительной мере отказалось и от формирования (совместно с основными социальными группами и группами интересов) ориентиров, приоритетов и целей, жизненно важных для любого современного общества. Это привело к новому взаимному отчуждению общества и государства, к ситуации, когда общественные группы стремятся решать свои проблемы, не прибегая к помощи государства, вне и помимо олицетворяемых им легальных процедур и формально-правовых установлений (по многочисленным экспертным оценкам доля теневого бизнеса в сегодняшней России составляет от 50% до 70%), а государство (в лице фактически приватизировавшего его многочисленного, коррумпированного и малоэффективного чиновничества), в свою очередь, живет своей, выведенной из сферы общественного контроля и потому практически неведомой обществу жизнью.

Подобная ситуация вряд ли может быть признана нормальной, хотя она в некоторой степени объясняется реакцией на засилье советского государства, пытавшегося с помощью идеологии, репрессий и запретов контролировать практически все стороны жизни общества. Современное российское государство пока что хорошо выполнило "негативную часть" работы по превращению в государство современного типа, по большей части эмансипировавшись от охранительно-репрессивных по отношению к обществу функций. Но оно плохо реализует свои важнейшие и необходимые функции поддержания нормативного порядка в обществе - начиная с охраны общественного спокойствия и безопасности граждан, обеспечения законности и кончая формированием и реализацией инфраструктурных проектов, а также общенациональных программ и стратегий развития. Бедные и социально незащищенные слои населения фактически оставлены на произвол стихии дикого рынка, а формирование полноценного и многочисленного среднего класса последовательно сдерживается и подавляется растущей армией чиновников и политических функционеров, рассматривающих свои должность и положение в государственной иерархии как частную собственность.

В немалой степени подобная ситуация связана с тем, что политические партии, призванные играть роль связующего звена между обществом и государством, в современной России не выполняют своих функций и не пользуются доверием основной массы населения. Так, согласно массовым всероссийским опросам, проводившимся авторитетными отечественными социологическими службами, на протяжении 1990-х - начала 2000-х гг. политическим партиям как институту стабильно доверяли не более 10% российских граждан. Например, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле 2003 г., только 18% опрошенных россиян объяснили свое голосование за какую-либо политическую партию тем, что "эта партия может защитить интересы таких людей, как я". В результате возникает ситуация, когда, по справедливому замечанию П. Панова, "в ближайшей перспективе российские политические партии будут развиваться не как посредники между гражданским обществом и государством, а как инструменты политической борьбы между элитными группами" [Панов, 2005, с. 102].

В итоге вырисовывается перспектива того, что в России в обозримом будущем оппозиционные настроения, охватывающие массовые общественные слои, и так называемая политическая оппозиция останутся "несостыкованными". Иными словами, легализация протестных настроений в форме современных политических партий, пользующихся доверием общества, по-прежнему будет заблокирована. Такая ситуация чревата ростом напряженности в российском обществе, обострением социальных и межэтнических конфликтов, неожиданными всплесками стихийных акций протеста, поскольку существующие сегодня политические партии (включая и пресловутую "партию власти") органически неспособны адекватно выражать интересы массовых групп. Еще менее эффективны они в случае, когда власти требуется смягчить массовое недовольство проводимой ею политикой.

Смягчать эффект "непопулярных" акций власти могло бы более внятное и четкое формулирование целей и ориентиров общественного развития, а также представлений о социальной значимости и конкретных положительных результатах усилий правительства по реализации наиболее важных социальных и экономических программ. Но отсутствие в обществе доверия к политическим партиям и их массовой поддержки консервирует взаимное отчуждение общества и законодателя, делая партийно-политическую систему России "вотчиной" наиболее влиятельных корпораций и групп интересов, которые одни лишь обладают необходимыми ресурсами влияния для "продавливания" нужных им версий законопроектов и программ развития. Именно на уровне корпораций и групп интересов реально разрабатываются наиболее важные экономические, социальные и политические решения, которые так или иначе формируют российскую внутреннюю и внешнюю политику, и в конечном счете могут послужить основой политического самоопределения России. Однако в условиях отсутствия сильных и независимых профсоюзов, а также других структур гражданского общества крупнейшие российские корпорации (Газпром, РАО "ЕЭС", ЛУКОЙЛ и др.), в основном, ограничиваются внутрикорпоративной политикой и лоббированием своих интересов. Этого совершенно недостаточно для выработки общенациональной стратегии, которая учитывала бы не только интересы корпораций, но и интересы массовых социальных групп. В итоге процессы политического самоопределения российского общества протекают чрезвычайно медленно и непоследовательно, а существующие социальные и политические институты слабо способствуют росту их эффективности.

Влияние традиций и системы ценностей на политическое самоопределение российского общества

Несмотря на резкие зигзаги модернизации и неоднократное нарушение преемственности социального и культурного развития России, воздействие исторически сложившихся традиций и системы ценностей на процессы политического и цивилизационного самоопределения современного российского общества в целом весьма велико и его трудно переоценить. Оно проявляется, в частности, в устойчиво воспроизводимом особом позиционировании России по отношению к другим цивилизациям и региональным политическим союзам. Справедливости ради следует отметить, что отчасти такое позиционирование усиливается в результате упоминавшегося нежелания Европейского союза и НАТО видеть Россию в своем составе и особенно вследствие попыток выстроить вокруг нее подобие нового "санитарного кордона".

В силу этого, а также благодаря культурным и ценностным ориентациям российского общества в настоящее время большинство россиян, несмотря на многочисленные призывы прозападно ориентированных идеологов и политиков "стать частью Европы", "войти в западную цивилизацию" и т.п., рассматривают свою страну в качестве особого политического и цивилизационно-культурного образования, занимающего промежуточное положение между Западом и Востоком. Так, по данным опроса, проведенного фондом "Общественное мнение" в 1999 г., большинство (60%) респондентов полагало, что по своим традициям и культуре Россия представляет собой особую страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию; при этом еще 23% опрошенных считали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии (<http://www.fom.ru/reports/frames/of19990501.html>). Более того, согласно данным опроса, проведенного тем же фондом в 2005 г., лишь 5% российских граждан считали, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% респондентов полагали, что они различаются незначительно, в то время как большинство (63%) жителей России придерживалось мнения о значительном различии культуры и ценностей европейцев и россиян (http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/international_relations/truck_West/russ_europe/tb_052314). Как бы ни относиться к подобным представлениям, они реально существуют и оказывают заметное влияние на массовые политические ориентации россиян.

Представления о культурном своеобразии и цивилизационной самобытности России достаточно устойчивы; они коренятся в системе ценностей россиян, которая существенно отличается от западноевропейской. Об этих различиях свидетельствуют как теоретические [Кульпин, 1995; Кульпин... 2005], так и эмпирические исследования [Ментальность... 1997; Базовые... 2003]. Например, ценности "*свободы*", "*развития*", "*профессионализма*", "*успеха*" в современном российском обществе, в отличие от западного, не относятся к числу наиболее важных, приоритетных. В то же время ценности "*порядка*", "*мира*" и "*стабильности*" для современного российского общества входят в число наиболее значимых и в целом более важны, чем для западного общества [Лапкин, Пантин, 1998, с. 30 - 31; Базовые... 2003, с. 338 - 339]. Очевидно, что с этими различиями между российской и западноевропейской системами ценностей необходимо считаться, хотя их и не стоит абсолютизировать.

Аналогичные различия существуют и между наиболее укорененными традициями политической культуры российского и западноевропейских обществ. В частности, в Западной Европе и Северной Америке исторически сложились традиции открытой и институционально оформленной конкуренции между различными политическими силами при наличии консенсуса по вопросу о политическом контроле общества над властными институтами. В России, напротив, власть традиционно предпочитала принуждать общество к согласию, в том числе, например, путем проведения Земских соборов, на которых формулировались необходимые ей "*единые*", "*согласительные*" решения. Между прочим, после революции 1917 г. большевики отчасти использовали эту традицию, преобразовав ее в решения партийных съездов и съездов Советов, "*единодушно*" одобряемые всем народом. Сформированные такой практикой устойчивые массовые представления о необходимости и благотворности верховной самодержавной власти (будь то власть царя, генерального секретаря или президента) во многом основаны на вере в то, что такая власть, возвышаясь над противоборствующими группами и партиями своекорыстного "*начальства*", способна обеспечить мир, справедливость и согласие в стране.

Одной из социально-психологических предпосылок подобного навязчивого стремления к внешнему согласию является боязнь раскола во власти, который уже неоднократно порождал в России смуту, распад государства и общества. В этой связи становится понятным, почему современное российское общество относится к борьбе за власть политических партий, олигархов или же различных мафиозных групп и кланов достаточно прохладно. В этом же обстоятельстве кроется и разгадка устойчиво высокого рейтинга В. Путина, который колеблется в пределах 50 - 70%, при том, что политикой правительства недовольны от 60 до 90% россиян.

Казалось бы, российские политические теоретики, а также лидеры демократических и либеральных партий и движений должны считаться с традициями и особенностями политической культуры страны и критически относиться к копированию опыта Запада. Большие возможности для них открывает путь наращивания политического капитала посредством активизации борьбы за постоянно нарушаемые социальные, экономические и политические права российских граждан, при учете интересов большинства россиян и их представлений о социальной справедливости. Именно этот путь дает, как нам представляется, единственный шанс для выживания либеральных и демократических движений в современной России. Однако на деле все обстоит по-другому: большинство политиков либеральной и демократической ориентации продолжают упорно игнорировать интересы, ценности и традиции большей части российского общества, а потребности массовых слоев в социальной справедливости эксплуатируют коммунисты и националисты. Очевидно, что подобная ситуация может способствовать росту радикальных настроений в российском обществе и выбору им ложных и весьма опасных для страны ориентиров политического и национально-государственного развития.

Политические ориентации элитных и массовых групп: основные расколы и размежевания

Политические и ценностные ориентации элитных и массовых групп российского общества оказывают непосредственное воздействие на процессы политического самоопределения. В то же время, поскольку современное российское общество чрезвычайно неоднородно, неоднородны и политические ориентации различных социальных групп. При этом, как показывают наши предшествующие исследования [Лапкин, Пантин, 1998], основная линия ценностных и политических расколов и размежеваний в российском обществе в 1990-е гг. проходила между группами, образующими элиту, и массовыми. Так, если среди представителей элитных групп в большей мере были популярны такие "западные" ценности, как "профессионализм", "образованность", "личное достоинство", "законность", то среди представителей массовых групп в большей мере были распространены ценности традиционного общества, такие как "справедливость", "равенство", "вера в Бога".

В настоящее время раскол между элитными и массовыми группами российского общества не только не смягчился, но, напротив, еще более усилился. Элитные группы, обладая монополией на распределение общественных и государственных ресурсов, гораздо лучше массовых групп адаптированы к условиям контролируемого государством рынка. Этим и объясняется тот факт, что представители элитных групп в большей мере, чем представители массовых групп, ориентируются на достигательные ценности потребительского общества. Вместе с тем анализ политических ориентаций представителей элитных групп показывает их принципиальную *неоднородность и особого рода эклектичность*. Подобная неоднородность зачастую проявляется в сочетании либеральной фразеологии с ностальгией по советским временам и тоской по "сильной руке". Этим же в определенной мере можно объяснить непоследовательность внутри- и внешнеполитического курса российской политической элиты, а также отсутствие четких представлений о политическом самоопределении внутри элитных групп и среди представителей российской власти. Причина здесь в том, что в сознании большинства людей, формирующих высшие страты российского общества, сосуществуют установки и ориентации, несовместимые с формально-логической точки зрения и противостоящие друг другу в ценностном плане. Как, впрочем, они сосуществуют и в сознании большинства представителей массовых групп.

Поэтому, когда встает вопрос об основных направлениях политического самоопределения России и путях национально-государственного развития, согласия по этим вопросам между отдельными российскими гражданами не наблюдается, как нет его часто и в сознании каждого отдельного индивида. Характерно, например, что, по данным всероссийского опроса, проведенного исследовательским консорциумом "Евразийский монитор" в 2005 г., на вопрос "Где бы Вы хотели жить?" 30% респондентов ответили "в России", 27% - "во вновь объединенном СССР", 15% - "в объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана", 11% - "в СНГ", 14% - "в объединенной Европе" и еще 3% затруднились с ответом. Основное разделение происходит между теми, кто хотел бы жить в России как отдельном государстве и теми, кто хотел бы жить во вновь объединенном СССР; промежуточное положение занимают желающие жить в объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана или в СНГ. Эти и другие данные указывают на то, что процессы формирования нации-государства в России весьма далеки от завершения, а значительная часть российского общества тяготеет либо к старым, либо к более современным формам политической интеграции с республиками бывшего СССР.

Не являются едиными и представления массовых групп российского общества о пригодности западного варианта общественного устройства для России, а также о перспективах развития отношений между Россией и Западом. Так, согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2000 г., западный вариант общественного устройства считали целиком пригодным для российских условий всего 4% респондентов, еще 15% опрошен-

ных полагали, что его можно приспособить к российским условиям, 30% опрошенных считали, что он не вполне подходит для России, и 37% респондентов ответили, что он совершенно не подходит для России (14% опрошенных затруднились с ответом) (<http://www.levada.ru/interrelations.html>). На вопрос "Как Вы думаете, отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными или всегда будут строиться на недоверии?", заданный в марте 2004 г., 44% респондентов ответили, что эти отношения "могут быть по-настоящему дружественными", в то время как 42% опрошенных полагали, что они "всегда будут строиться на недоверии", и еще 14% затруднились с ответом (<http://www.levada.ru/interrelations3.html>). В последнем случае налицо явный раскол российского общества на две примерно равные части, что лишний раз подтверждает присутствие в массовых группах различных, порой противоположных ориентации, касающихся внутри- и внешнеполитического самоопределения России в современном мире.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сохраняющаяся противоречивость политического самоопределения российского общества имеет достаточно глубокие корни и связана с различными ценностными и политическими ориентациями как элитных, так и массовых групп. Но такое положение дел не может сохраняться долгое время: рано или поздно российскому обществу придется определяться в политическом плане, причем выбор тех или иных политических ориентации будет обуславливаться не только положением дел в стране, но и не всегда дружественной политикой стран Запада в отношении России. Несмотря на объективно существующие взаимозависимость и переплетение долгосрочных интересов западных стран и России, их краткосрочные интересы нередко расходятся, а непонимание позиций друг друга или нежелание учитывать последствия своих действий может привести, как и в прошлом, к отчуждению и конфронтации.

В этой ситуации равно контрпродуктивными представляются широко распространенные в российской интеллектуальной среде мифы как о "нерушимом партнерстве" между Россией и Западом, так и о "вечной конфронтации" между ними, или бесконечные сетования безответственных политиков, поверхностно усвоивших азы либеральной доктрины, на то, что "народ в России не тот" и что единственный шанс для страны заключается в принудительной вестернизации "народа". Предложения решительно разлагать и демонтировать "архаические" традиции и ценности "народа" не только непродуктивны и утопичны, но и крайне опасны. Они неизбежно вызывают ответную реакцию в виде крайнего национализма и шовинизма. Более плодотворно, как представляется, признание реально существующих различий между западными странами и Россией, обуславливающих неэффективность прямой трансплантации западных политических институтов в структуру российского общества. Исходя из такой констатации, можно искать условия и предпосылки, позволяющие осуществить стратегический синтез интересов России и стран Запада. В противном случае, если подобный синтез не будет реализован, вероятность конфронтации между Россией и Западом резко возрастет, что в итоге неизбежно приведет к их взаимному ослаблению перед лицом новых вызовов со стороны Китая, радикальных сил исламского мира, а также вызовов и угроз в виде неблагоприятных демографических процессов, массовых эпидемий, природных катаклизмов и т.п.

Роль системы мобилизации ресурсов и властно-распределительных отношений

Значение ресурсов, имеющихся у общества, для его политического развития и самоопределения, а также для системы их мобилизации, воспроизводства и перераспределения исключительно велико. Не случайно классик американской социологии Т. Парсонс рассматривал саму сферу политического как неразрывно связанную с ресурсной сферой: "Мы рассматриваем какое-то явление как *политическое* в той мере, в какой оно *связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей*" [Парсонс, 1998, с. 30]. Взаимодействие политики с экономической подсистемой общества создает, согласно Парсонсу, *систему мобилизации ресурсов* [Parsons,

1967, р. 351]. Отметим, что последнюю следует отличать от свойственной милитаристским режимам мобилизационной системы. Как это ясно из приведенной дефиниции Парсонса, система мобилизации ресурсов играет важную роль в функционировании *всех без исключения* политических систем и режимов, будь то демократия, авторитаризм или тоталитаризм. В то же время характер системы мобилизации и распределения ресурсов в значительной мере влияет на тип политического режима. Так, система мобилизации ресурсов государственно-распределительного типа характерна главным образом для крупных централизованных государств-деспотий, система мобилизации ресурсов торгово-денежного, посреднического типа - для городов-государств и олигархических республик античного мира и раннекапиталистической эпохи, индустриально-капиталистическая система мобилизации ресурсов - для современных государств, успешно осуществивших модернизацию и культивирующих демократические формы политического устройства (подробнее см. [Лапкин, Пантин, 2004, с. 66 - 75]).

Для рассматриваемой здесь проблемы политического самоопределения важно, что его реально существующие варианты и пути во многом определяются имеющимися в распоряжении общества ресурсами и эффективностью их мобилизации для достижения тех или иных политических целей. Именно мобилизация и концентрация ресурсов на ключевых направлениях экономического и политического развития позволяют обществу и государству эффективно реализовывать приоритетные цели и национальные интересы. При этом характер и эффективность системы манипулирования ресурсами играют даже более важную роль, чем сам имеющийся у данного государства человеческий и материальный потенциал. Так, маленькая Голландия, благодаря своей более эффективной капиталистической системе мобилизации ресурсов, в XVI-XVII вв. успешно противостояла таким крупным державам, значительно превосходящим ее по количеству населения и территориально-вещественным факторам, как Испания и Франция. Ныне Япония, почти не имеющая природных ресурсов, по тем же причинам значительно превосходит по своему экономическому развитию богатые природными ресурсами Россию, Бразилию, Венесуэлу, Южно-Африканскую Республику.

Существующая система мобилизации и распределения ресурсов во многом унаследована современной Россией от Советского Союза, где доминировала во многих отношениях архаичная система государственно-распределительного типа, приспособленная главным образом для милитаризации общества и ведения войн в условиях избытка демографических ресурсов. Ее современное частично модернизированное состояние во многом определяет направление и параметры экономического и политического развития страны. Однако условия и цели развития России сегодня принципиально отличны от тех, что имели место в XVIII, XIX и XX столетиях. Нынешняя российская система мобилизации ресурсов и тесно связанная с ней система властно-распределительных отношений не является ни планово-государственной, ни рыночной. Скорее ее следует характеризовать как колоссальный по своим размерам, потребностям и неэффективности бюрократический механизм, преследующий почти исключительно цели собственного воспроизводства и бесплодно расточающий огромные ресурсы страны. Фактически развитие рынка и демократии в России ограничивается архаичностью и неэффективностью существующей системы мобилизации ресурсов, диктующей обществу свои законы. Вместе с тем усиливающаяся нефтегазовая ориентация России, ее зависимость от добычи и экспорта энергоносителей, не только не способствует более эффективному распределению ресурсов, но закрепляет и консервирует застойную социальную, экономическую и политическую структуру. Значительная часть ресурсов тратится для общества впустую, обогащая чиновников, деятелей теневой экономики, криминальные структуры и т.п. В результате существенно ограничиваются возможности для политического самоопределения России в современном мире, для гибкого и эффективного реагирования российского общества и государства на возникающие вызовы и угрозы, особенно в ситуации обострения демографических проблем и продолжающейся убыли населения.

Объективно в настоящее время у России нет достаточных ресурсов, чтобы содержать не только бывшую советскую империю с многочисленными странами-сателлитами, но и "Советский Союз" в более ограниченном, чем раньше, составе (например, без республик Балтии, Грузии, Азербайджана, Молдовы). В существующих условиях единственным выходом для России является не возврат к имперскому или союзному строительству, а формирование современной нации-государства. Более того, России понадобится мобилизация всего ее потенциала и существенное повышение эффективности системы мобилизации ресурсов, чтобы в условиях политического давления с Запада и демографической экспансии с Востока контролировать свою территорию в существующих границах. Кажущееся изобилие и "неисчерпаемость" ресурсов России - во многом миф. Демографический, интеллектуальный, технологический, финансовый и другие ее потенциалы в настоящее время не только не избыточны, но, напротив, весьма ограничены. "Утечка мозгов" и бегство капиталов нанесли и продолжают наносить стране огромный ущерб.

Даже природные ресурсы России на деле далеко не безграничны, тем более что расходуются они чрезвычайно расточительно. Следует учитывать, что в силу огромной территории, разнообразия природных условий и холодного климата значительная часть российских энергоресурсов расходуется на транспорт, на поддержание необходимого уровня экономического и социального развития в регионах с неблагоприятными природными условиями, на отопление и обогрев жилых и производственных помещений.

Недаром один из ведущих российских специалистов в области энергетики и климата В. Клименко отмечал в этой связи: "Теперь настала пора ответить на вопрос: почему большие (по территории - *В. П., В. Л.*) государства потребляют больше энергии? Во-первых, возрастают расходы энергии на транспорт, в том числе самих энергоресурсов - США из-за этого приходится тратить на единицу конечного продукта на 20% больше энергии, чем европейским странам. Вторая причина не столь очевидна, но на наш взгляд, еще более важна, чем первая. Дело в том, что в больших государствах неизбежно имеются территории с более или менее благоприятными природными условиями. Для того, чтобы поддерживать необходимый уровень социального равенства, федеральное правительство вынуждено постоянно перераспределять часть произведенного продукта в пользу маргиналов. Это лишает наиболее динамичную часть общества естественных стимулов и ведет к потере эффективности и, как следствие, перерасходу энергии" [Клименко, 1997, с. 53].

По данным ученого, среднегодовая температура на территории современной России составляет $-5,5^{\circ}\text{C}$ (в Канаде этот показатель составляет $-5,1^{\circ}\text{C}$, но самый северный канадский город с населением свыше 100 тыс. человек - Эдмонтон - лежит на широте Минска и Орла; в Исландии эта температура соответствует $0,9^{\circ}\text{C}$, в Финляндии, которую обычно называют "нашим северным соседом", она составляет $1,5^{\circ}\text{C}$). "Оказывается, - пишет Клименко, - что из-за огромной территории и чрезвычайно холодного климата Россия потребляет лишь около 40% действительно необходимой энергии и по этому показателю находится в конце первой сотни из 152 стран мира, имеющих население свыше 1 млн. человек каждая, далеко позади не только развитых стран, но и многих развивающихся... Это означает, что для того, чтобы достичь уровня благосостояния современных развитых стран России необходимо, даже при нулевом росте населения, увеличить потребление энергии с нынешних 6,7 до 14,2 т у.т./год чел. - для этого потребуется найти и освоить еще две таких нефтегазоносных провинции, как Западносибирская!" [Клименко, 1997, с. 63].

В такой ситуации для реализации политических целей, разрешения внутривнутриполитических конфликтов и упрочения позиций России на международной арене единственный выход состоит в значительном повышении эффективности существующей системы мобилизации и распределения ресурсов. Однако в настоящее время и в массовых, и в элитных группах российского общества не осознается даже наличие данной проблемы, а о понимании необходимости ее решения и обсуждении его путей пока что нет и речи. Между тем в условиях существования архаичной и неэффективной системы мобилиза-

ции ресурсов такие жизненно важные для современного российского общества меры, как борьба с коррупцией, повышение качества управления, ликвидация нищеты, уменьшение огромного разрыва в доходах между различными социальными группами, повышение конкурентоспособности российской экономики и т.п., неизбежно остаются лишь благими пожеланиями.

* * *

Резюмируя, еще раз подчеркнем: в настоящее время российские общество и государство находятся в переломной, критической фазе своего развития, что обуславливает особую остроту и важность проблемы политического самоопределения. России в условиях быстрых глобальных изменений, весьма динамичного развития стран Запада и Востока крайне важно правильно выбрать путь политического самоопределения и национально-государственного строительства, ясно представляя реальную ограниченность имеющегося потенциала и, самое главное, ключевого ресурса - времени на преобразование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003.

Клименко В. В. Энергия, климат и историческая перспектива России // Билль о правах человека и природы. М., 1997.

Кульпин Э. С. Путь России. М., 1995.

Кульпин Э. С., Клименко В. В., Пантин В. И., Смирнов Л. М. Эволюция российской ментальности. М., 2005.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М., 2004.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М., 1998.

Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997.

Панов П. В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России (Кроссрегиональный сравнительный анализ) // Полис. 2005. N 5.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York, 1967.